

Люди разошлись, и в комнате вновь воцарилась тишина. Ань Чунье смотрел на Нин Цзюэ с бесконечной мягкостью во взгляде. Нин Цзюэ почувствовал себя неловко, отвел глаза и произнес:

— Разве Его Высочеству сегодня не нужно заниматься государственными делами?

— В последнее время я свободен, Его Величество даровал мне три дня отдыха, — улыбнулся он.
— Слышал, в восточном пригороде есть сливовая роща, она сейчас как раз в цвету. Хотел взять тебя с собой, но, судя по всему, придется отложить до следующего раза.

С древних времен ученые мужи любили сливу, но Нин Цзюэ остался равнодушен. Он опустил взгляд, скрывая свои мысли, и ответил сухо:

— У этого простолюдина нет такой удачи, прошу прощения за то, что не оправдал добрых намерений Вашего Высочества.

Заметив явное нежелание сближаться, Ань Чунье вовремя отступил. Он молча вздохнул, поднялся и сказал:

— Вспомнил, что мне еще нужно на один прием. Скоро слуги принесут лекарство, выпей его и как следует отдохни. Когда поправишься, я сам отвезу тебя любоваться сливами.

— С почтением провожаю Ваше Высочество.

Нин Цзюэ слегка склонил голову, и Ань Чунье удалился.

Вскоре вошла Сунлу с лекарством. Следом за ней двое слуг несли подносы с аккуратно сложенной одеждой — от нижнего белья до верхних халатов, здесь было всё необходимое.

Сунлу поставила лекарство у кровати, а двое мужчин поклонились. Один из них произнес:

— По приказу Его Высочества мы доставили господину одежду. Прошу, взгляните, если что-то не по размеру, мы тут же все исправим.

На подносе лежали два халата — синий и белый. Нин Цзюэ, попивая горький отвар, бросил на них взгляд. Лекарство было трудно проглотить, он с трудом протолкнул его, и его лицо мгновенно скривилось.

— Оставьте там, — он поморщился и небрежно указал на место. — Передайте мою благодарность Его Высочеству.

— Слушаемся.

Они положили вещи, поклонились и медленно удалились:

— Мы уходим.

Три дня подряд Нин Цзюэ не выходил из комнаты. Не зная, не обидел ли он Четвертого принца своим холодным отношением, он не видел Ань Чунье в обители Ланььюэ Люфан. Лишь изредка слуги приносили купленные снаружи цукаты и сладости.

После нескольких дней покоя Нин Цзюэ окреп. В один из погожих дней Сунлу проводила его в сад резиденции принца.

Миновав несколько лунных ворот и галерей, они вышли к нагромождению причудливых камней. Садом это место называлось лишь условно — цветов было мало, лишь на двухметровых скалах кое-где виднелась зелень. Камни, то высокие, то низкие, словно горные хребты, окружали пруд в центре сада.

У воды склонили свои ветви ивы. Сквозь арку в скале открывался вид на каменную дорожку, ведущую к самому центру пруда, где среди сверкающей ряби возвышалась восьмигранная беседка.

Нин Цзюэ подошел ближе и взглянул на висевшую над входом табличку: «Следы на воде».

— Все таблички в резиденции написаны рукой Вашего Высочества? — спросил Нин Цзюэ.

Сунлу, следовавшая за ним, покачала головой:

— Его Высочество пишет редко. Большинство надписей сделаны Вторым принцем или друзьями Его Высочества. Например, эта, Следы на воде, — дар Второго принца.

Нин Цзюэ кивнул, обошел каменный стол и подошел к перилам. Внизу косяками плавали красно-белые карпы. На перилах стояла коробочка с кормом. Он взял её, открыл и бросил горсть в воду. В одно мгновение рыбы пришли в движение, послышался громкий всплеск.

Уголки его губ слегка приподнялись. Он бросил корм подальше, и стая рыб тут же рванула следом, взмутив чистую воду пруда и скрыв большую часть карпов.

Юноша увлекся игрой. Сунлу, стоявшая поодаль, слышала тихие шаги. Обернувшись, она увидела своего господина, который вел кого-то к беседке.

Она испугалась и поспешно присела в поклоне:

— Приветствую Ваше Высочество.

Услышав её голос, Нин Цзюэ обернулся и увидел Ань Чунъе, который сопровождал роскошно одетого молодого человека, внешне очень похожего на него.

— Приветствую Ваше Высочество, — Нин Цзюэ сложил руки в приветствии, все еще сжимая коробочку с кормом.

— Не нужно формальностей.

Ань Чунъе махнул рукой, не задерживая взгляд на Нин Цзюэ. Он пригласил своего спутника сесть:

— У меня в резиденции остался Золотой коричный чай, присланный из Цинчжоу. Не желает ли старший брат отведать?

— С удовольствием.

Ань Чуньянь улыбнулся и шагнул вперед. На нем был небесно-голубой халат с широкими рукавами, подчеркивавший его стройную фигуру. Они сели друг напротив друга. Хотя черты лица их были схожи, в отличие от холодной глубины во взгляде Ань Чунъе, в глазах Чуньяня читались свобода и непринужденность.

Сейчас он смотрел на Нин Цзюэ с открытым любопытством, смешанным с удивлением.

— А это кто? — с улыбкой спросил он.

Ань Чунъе поднял глаза. Его тон был не таким теплым, как раньше, скорее отстраненным, будто он не придавал этому человеку особого значения.

— О, его зовут Нин Цзюэ. Новый знакомый, встретил его на улице несколько дней назад. У него неплохой слог, вот я и решил пригласить его написать парные надписи для моих дворов.

Сказав это, он кивнул в сторону Нин Цзюэ:

— Господин Нин, это мой старший брат, Второй принц Ань Чуньянь.

За эти дни его отношение сильно изменилось, но Нин Цзюэ сохранял невозмутимость. Он поклонился Ань Чуньяню:

— Простолюдин Нин Цзюэ приветствует Второго принца.

— Не стоит, присаживайся, — Ань Чуньянь улыбнулся доброжелательно.

Нин Цзюэ не сел сразу. Он взглянул на Ань Чунье, и, получив едва заметный кивок, сделал два шага вперед и опустился на каменный табурет.

Коробочку с кормом он спрятал в рукав. Ань Чунье махнул рукой Сунлу:

— Подай чай с золотой корицей.

— Слушаюсь.

Сунлу удалилась, и в беседке остались трое молодых людей в расцвете лет.

Погода стояла чудесная, прохладный ветерок пробежал по глади пруда, тревожа стайки рыб.

Ань Чуньянь, подперев подбородок рукой, с улыбкой смотрел на Нин Цзюэ:

— Кажется, у Следов на воде нет парных надписей. Раз уж господин Нин так талантлив, не напишете ли вы что-нибудь прямо сейчас, чтобы и я мог оценить ваше мастерство?

Его тон был мягким, словно это был вопрос, но все понимали, что выбора нет.

Нин Цзюэ опустил глаза:

— Не смею ослушаться приказа Вашего Высочества, но познания мои скудны, не осмелюсь хвастаться перед двумя принцами.

— Ничего страшного, пиши. Если Ань Чунье не понравится, я заберу это к себе во дворец, — пошутил Ань Чуньянь.

Ань Чунье сидел рядом, опустив взгляд, и молчал. Он держался прямо, а его пальцы перебирали нефритовую костяшку на большом пальце левой руки. Лицо его оставалось бесстрастным.

Понимая, что отступить некуда, Нин Цзюэ кивнул:

— В таком случае, не обессудьте.

Он поднял голову, осмотрел конструкцию беседки и окружающий пейзаж, а через мгновение произнес:

— Глазурованная черепица отражается в воде, единственный столб, подобно игле, умиротворяет море.

Глазурованная черепица — это крыша беседки, столб — её основание. Утвержденная в пруду, она стоит непоколебимо, словно волшебная игла.

Стихи были удачными, вот только к названию Следы на воде они имели мало отношения.

Ань Чуньянь с улыбкой захлопал в ладоши:

— Не зря Ань Чунье так хвалил вас, воистину, талантлив!

— Ваше Высочество слишком добры.

— Я нечасто хвалю людей! — Ань Чуньянь повернулся к брату: — Ань Чунье, как тебе эти строки?

— Неплохо, но, кажется, к Следам на воде они не подходят.

Название Следы на воде дал сам Ань Чуньянь, и ему лучше знать, подходят ли к нему надписи.

— Четыре иероглифа Следы на воде звучат слишком легковесно и не вяжутся с образом неизблемой скалы. Может, сменим название на более подходящее? — размышлял Ань Чуньянь.

— Не нужно. Мне нравится Следы на воде. Если надписи не подходят, напишем другие, — бесстрастно ответил Ань Чунье.

— Ты говоришь неискренне. По-моему, стихи господина Нина — высший класс.

— Хороши-то хороши, но не по душе мне. Если брату нравятся, подарю их тебе, как тебе такая идея?

— Ты действительно готов отдать?

— А почему бы и нет?

Они обменялись улыбками, ведя свою игру.

Дворцовые интриги глубоки, и Нин Цзюэ не решался вклиниваться в их разговор, лишь молча слушая.

К счастью, подросла Сунлу с чаем. Она поставила на стол чайник, расставила нефритовые чашки и разлила золотистый, как закатное солнце, напиток. Аромат наполнил беседку.

Сунлу отошла в сторону. Ань Чуньянь первым сделал глоток:

— М-м, вкус густой и сладкий, аромат остается на губах. Превосходно.

— В кладовой осталось еще два ляна. Если брату нравится, я прикажу слугам доставить их в твой дворец.

Ань Чуньянь рассмеялся:

— Если я буду постоянно забирать у тебя вещи, отец узнает и снова начнет меня отчитывать.

— Я обещаю не жаловаться.

Ань Чунье наполнил его чашку. Братья болтали о пустяках — идеальная картина гармонии и братской любви.

Через полчаса слуги принесли шахматную доску. Принцы начали партию, а Нин Цзюэ остался наблюдать.

Ань Чунье мыслил глубоко, обдумывая ходы наперед, в то время как Ань Чуньянь предпочитал сиюминутную выгоду — он не упускал случая съесть фигуру противника, даже если ради этого приходилось жертвовать своей. Такая неосмотрительность приводила к тому, что, съев больше всех фигур, он всё равно проигрывал.

После нескольких партий Ань Чуньянь был полностью разбит.

— Больше не буду, не буду.

В очередной раз проиграв, он бросил белые камни в чашу:

— Не зря отец говорит, что я бестолковый. Даже если сыграю тысячу раз, все равно не выиграю у тебя.

— Игра в шахматы подобна ведению войск: важно не то, сколько врагов ты убил, а исход сражения.

Ань Чунье, собирая черные камни, спокойно заметил:

— У тебя слишком порывистый характер, ты ищешь лишь выгоду перед глазами. Это ослепляет и ведет к поражению в большой игре.

— Проще говоря, я просто глуп, — беззаботно посмеялся над собой Ань Чуньянь.

— Можно сказать, что у тебя душа чистого ребенка.

Ань Чуньянь счел, что слова душа чистого ребенка — это оскорбление.

Он посмотрел на Нин Цзюэ:

— Господин Нин умеет играть? Не хотите ли партию?

Нин Цзюэ опустил голову:

— Простолудин не обладает таким умом, я не умею играть.

Шахматы стоили дорого, а он с детства рос в бедности. Деньги, которые мать зарабатывала вышивкой, едва покрывали повседневные расходы и покупку книг. В школе учитель показывал ему основы, но играть было не с кем. Он знал правила, но не был мастером.

— Я тоже не умею, — Ань Чуньянь, собирая камни, добавил: — На самом деле, больше шахмат я люблю верховую езду. В северном пригороде есть ипподром с прекрасными видами. Я долго уговаривал владельца и за большие деньги выкупил его. Господин Нин, когда будете свободны, не хотите ли поехать со мной покататься?

Он приподнял брови, его лицо выражало живой интерес.

Нин Цзюэ вспомнил, как не мог даже забраться на лошадь, и смутился:

— Ваше Высочество, я и ездить верхом не умею.

Не умеет играть, не умеет ездить верхом... Что же он тогда умеет?

Удивление мелькнуло в глазах принца, но он улынулся:

— Ничего страшного, я научу.

Позволить Второму принцу учить его езде верхом?

Нин Цзюэ не осмелился:

— У меня низкое положение, не смею утруждать Ваше Высочество.

Ань Чуньянь хотел сказать, что не придает значения статусу, но не успел открыть рот, как Ань Чунье перебил его:

— Скоро день рождения старшего брата, что ты собираешься подарить в этом году?

При упоминании старшего принца Ань Чуньшу, брови Ань Чуньяня мгновенно сошлись к переносице.

— Зачем ты о нем заговорил? — это было неприятно.

— Боюсь, как бы ты не забыл. Даже если не хочешь, вы все же родные братья. Если не придешь на его день рождения, боюсь, отец будет недоволен.

Лицо Ань Чуньяня, только что сиявшее улыбкой, помрачнело. Ань Чуньшу, будучи старшим сыном законной императрицы, с детства купался в любви отца. В детстве, однажды обидев его из-за пустяка, он подвергся жестоким издевательствам.

Когда он пожаловался отцу, его же отчитали за неуважение к старшему брату...

Ань Чуньянь знал, что он недостаточно умен и не так любим. Столько лет он старался избегать неприятностей. Поэтому, даже не питая симпатии к Ань Чуньшу, он старался соблюдать приличия, чтобы не давать повода для придирок.

— Некоторое время назад я получил две жемчужины, думаю, их хватит на подарок, — горько сказал он.

Ань Чунье напомнил:

— Слышал, отец устроит пир во дворце, там будут все сановники.

— Не волнуйся, как бы я его ни недолюбливал, на людях я скандалить не стану.

Ань Чуньянь дал слово, совершенно забыв, как два года назад, напившись, чуть не сжег половину дворца старшего принца.

Солнце поднялось в зенит, и у Ань Чуньяня пропало желание оставаться здесь. Он поднялся и поправил одежду:

— Пора возвращаться.

Ань Чунье и Нин Цзюэ встали следом.

— Пообедай и возвращайся, — предложил Ань Чунье.

— Не нужно! — Ань Чуньянь махнул рукой. — От одного упоминания о нем аппетит пропал.

— Это моя вина.

— При чем тут ты?

Ань Чуньянь повернулся и, уходя, проворчал:

— Аппетит портит он, а не ты.

Провожая взглядом удаляющуюся фигуру, Нин Цзюэ поклонился:

— С почтением провожаю Ваше Высочество.

Ань Чуньянь не обернулся, лишь махнул рукой и ушел.

Ань Чунье приказал Сунлу:

— Упакуй Золотой коричный чай из кладовой и отправь во дворец Второго принца.

— Слушаюсь.

Сунлу тоже удалилась.

<http://bllate.org/book/21783/2252439>